

Протоиерей
Андрей Ткачев

О мире и человеке

СБОРНИК СТАТЕЙ

Андрей Ткачев

**О мире и человеке.
Сборник статей**

«Издательство Сретенского Монастыря»

2016

УДК 271.22(470+571)-1
ББК 86.372.24-4

Ткачев А.

О мире и человеке. Сборник статей / А. Ткачев — «Издательство
Сретенского Монастыря», 2016

ISBN 978-5-7533-1172-6

Человеку нужно понять себя. Понять и найти. Многие вещи, которые казались нашим предкам прописными и очевидными, сегодня нужно доказывать. Это тяжелый труд — объяснять и доказывать очевидное. Доказывать, что целомудрие — это красиво, что трудолюбие — это почетно, что верность — это свято... И Евангелие помогает нам в этом. С помощью Божьего слова мы хотим понять себя. Понять и найти. Об этом размышляет известный миссионер протоиерей Андрей Ткачев. Для широкого круга читателей. 2-е издание.

УДК 271.22(470+571)-1

ББК 86.372.24-4

ISBN 978-5-7533-1172-6

© Ткачев А., 2016
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2016

Содержание

Большой брат или Всевидящее Око?	5
Вопрос об интеллигенции	8
Какие люди мне нравятся	11
Человек похож...	13
Город. Тюрьма в гирляндах	15
Демократические процедуры	18
Содом	21
Армия мушиного короля	24
В строительстве ковчега нужно участвовать	26
Индустрия спасения от тоски	28
Благословенная сложность бытия	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Протоиерей Андрей Ткачев

О мире и человеке: сборник статей

Большой брат или Всевидящее Око?

Человек всю жизнь учится читать. Однажды освоив буквы в школе или независимо от нее, он затем вынужден учиться читать по лицам, разбираться в различных знаковых системах, от умения читать которые (например, язык дорожных знаков) зависит жизнь и его, и тех, кто рядом.

Любая культура является сложной системой оповещений, предупреждений, напоминаний о прошлом, запретов.

Человек, не умеющий читать культурные знаки, будет сожран непонятной действительностью подобно тому, как будет ударен смертельным разрядом человек, пренебрегший надписью «Не влезай – убьет!»

Надо учиться читать.

Иногда люди выпячивают знаки своей принадлежности к субкультурам. Тогда по манере завязывать галстук и по марке часов на запястье, по цвету платка, выглядывающего из кармана, или по рисунку татуировки ты сразу узнаешь о человеке именно то, что он сам хочет сделать известным для людей, умеющих эти нюансы замечать.

Иногда, напротив, кто-то нагло метит территорию, разбрасывает знаки своего присутствия, но окружающий люд в ус не дует, поскольку чтению особых знаковых систем не обучен.

Трудно сказать, с чем именно мы имеем дело в данном случае, но на рекламных щитах в Киеве появились плакаты, возвещающие о появлении в Украине «Большого брата».

Вроде бы все понятно – телевизионное шоу, по типу которого были сняты прошедшие на наших экранах «За стеклом», «Дом-1» и «Дом-2». Легкая возможность стать «звездой» заплатив за превращение полной публичностью и многодневной жизнью перед зрчками бесчисленных телекамер. Вместе с тем правильное отношение к этому шоу ведет нас глубже и дальше, по крайней мере, заставляет знакомиться с некоторыми литературными произведениями. Имеется в виду Оруэлл и его роман «1984».

Это яркая, острая и не лишенная если не прозорливости, то прозрений антиутопия. Европейская мысль плодила «утопии» долго и настырно. В переводе «утопия» означает «то, чему нет места», то есть то, чего нет в природе, но очень бы хотелось, чтобы было. Этим именем называли вымышленные страны, в которых, по мысли авторов утопий, жизнь счастлива и безмятежна. Земным раем мыслились утопии для писателей, но внимательное прочтение этих мечтаний дает тоскливое ощущение попадания в подлинный концлагерь. Такова жизнь в идеальном государстве Томаса Мора, таков политический платонизм, если в него вчитаться. Но дело было не так страшно, пока жизнь оставалась неидеальной, а ее идеальные модели жили только в головах мыслителей.

Все изменилось в XX веке. Люди решились не просто мечтать о земном рае, но и создавать его. Итогом больших трудов и масштабных кровопролитий, как назло, явился вовсе не

рай, а настоящий ад или его земное преддверие. Вот тогда-то в литературе и появились романы-антиутопии. Брэдбери, Оруэлл, Замятин, отчасти – Платонов изобразили в своих книгах трагическое крушение мечты о прекрасном обществе. У Андерсена гадкий утенок стал лебедем. У Оруэлла лебедь стал ехидной. Многие писатели-антиутописты списывали с натуры, многое еще не явленное открывалось их творческой интуиции.

Большой брат или, если точнее, Старший брат – это таинственный персонаж, управляющий жизнью Океании – государства, описанного в книге Оруэлла. Существует ли Большой брат реально – никому в Океании не известно, но его портреты смотрят на человека отовсюду. «Большой брат видит тебя», – гласят плакаты, нарисованные так, что ты ощущаешь себя в поле зрения изображения, куда бы ни шел.

Страна, возглавляемая Большим братом, является тоталитарным государством. Это государство предъявляет требования не только к поведению человека, но и к его мыслям. Там существует такое понятие, как «мыслепреступления», то есть мысленное противление режиму или несогласие. Стоит попасть на допрос или под пытку, которые проводятся в Министерстве любви (sic), – и человек расскажет о себе все что угодно. Кроме Министерства любви, существуют еще Министерство правды, которое врет 24 часа в сутки; Министерство мира, которое ведет постоянные войны. Короче, картинка узнаваемая. Узнаваемая и страшная.

Книгу стоит прочесть. По крайней мере, участвовать в шоу человек, читавший книгу, едва ли согласится.

Наш народ, переживший не киношный, а реальный пресс тоталитарной власти, должен был бы воспитать в себе некий подкожный страх, некую защитную реакцию на попытки оболванивания, управления сознанием, залезания в душу в грязных сапогах. Ничуть не бывало. Еще в памяти многих живы реальные слезки, еще в чьи-то сны приходят воспоминания о настоящих допросах – а уже телевизионное шоу, взявшее имя взаймы у выдуманного концлагеря, выходит на экраны. Прав был Серафим (Роуз), отведивший особое место в истории XX века Диснейленду и ГУЛАГу. Диснейленд сверкает огнями, детишки на каруселях радостно визжат – а на заднем плане видна вышка с часовым и колючая проволока, но никто на это не обращает внимания. Пока.

Но сказанное – лишь верхний слой явления. Идем дальше.

Человеку свойствен стыд и стремление спрятаться от чужих глаз хотя бы ненадолго. Право отгораживать кровать от чужих глаз или прятаться за фанерной перегородкой было даже у строителей казарменного социализма. Для человека неестественно находиться в поле чужого зрения постоянно. В данном же случае мы сталкиваемся с добровольным согласием человека влезть в «клетку» и обнажить свою жизнь перед телекамерами без всякого исключения. Мы имеем дело также с желанием огромного числа людей понаблюдать за человеком, напроць лишенным интимности и тайны.

Одно из двух: либо эти опыты искалечат тех, кто на них согласится; либо речь идет об уже искалеченных персонажах, для которых жизнью является то, что обычно приносит смерть.

Опыты над человеком – это не только то, что было вскрыто и осуждено на Нюрнбергском процессе. Под знаком опытов над отдельным человеком и целыми народами история движется уже не одно десятилетие. Остались в прошлом эксперименты по спариванию приматов с человеком, канули в Лету попытки создания международного братства трудящихся при помощи переливания крови. Но им на смену пришли другие опыты. Они переместились в ту область психики, в тот заповедный и таинственный мрак, где живет память, где слышны голос совести, голос крови и родовое сознание.

Отметая табу, взламывая запреты, докапываясь до подсознательных глубин, экспериментаторы стремятся добраться до сердцевины личности. Ими движет желание освободить человека, изменить его мысленные коды, сделать его дитем нового века и новых просторов. Они, скорее всего, расщепят, а не исцелят бедную личность, эти смелые – или подлые – экспери-

ментаторы. Они подтолкнут человека в спину и лишь ускорят его движение к той пропасти, в сторону которой он и без того идет.

Большой брат – это очередная пародия на Всемогущего Бога, а человек под бесконечными глазками телекамер – пародия на Авраама. Тому сказал Господь: Я Бог Всемогуший; ходи предо Мною и будь непорочен (Быт. 17, 1). И Авраам ходил пред Богом, помнил о Нем, саму повседневность превращая в непрестанное служение.

Большой брат (пусть это имя будет сборным именем всех подобных шоу) обращается к человеку, уже забывшему или стремительно забывающему о существовании Всемогущего, и говорит ему: «Привыкни к тому, что тебя видят всегда. Забудь про стыд. Делай вид, что ты играешь в кино. Вся жизнь, в сущности, и есть игра. Никакой непорочности я от тебя не требую. Более того, ты нужен мне именно порочным. Будь порочен и ходи предо мною».

«Будь порочен безо всяких угрызений совести и помни, что за тобой всегда наблюдают» – эти слова, отдающие могильным холодом, могут быть когда-нибудь обращены ко всем жителям Земли.

Наши идейные противники любят говорить, что мы, попы, вечно пугаем людей, желая удержать их в подчинении. Что ж, переубедить людей, уверенных в правоте этого тезиса, не удастся, да я и не буду особо стараться. Для меня куда важнее сообщить другим людям, читающим Библию, библейский взгляд на то, что происходит вокруг. Научить, например, видеть в дрессировщике и диких зверях на арене цирка бледное подобие райской жизни, где животные слушались Адама и видели в нем господина, а не врага. Или, слушая прогноз погоды, вспоминать слова Христа: *Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете* (Мф. 16, 3).

Вот и видя на плакате большой глаз и слова «Большой брат», я не могу отмахнуться от целого роя мыслей и ассоциаций. Это мысли о вездесущии Божиим и хождении перед Ним. Это мысли о том, как тоталитарное государство пытается подражать Богу и заменить Его собой.

Это мысли о прошлом, которое известно, и о будущем, которое готово выползти из-за горизонта.

Это непростые мысли. В них опасно погружаться, сидя за рулем автомобиля. Поэтому за рулем я пытаюсь развеяться и включаю радио.

Как правило, в это время по радио выступает какой-то чиновник из Министерства правды или Министерства любви.

Вопрос об интеллигенции

Термин «интеллигенция» расплывчат, как чернильная клякса. Неясно до конца, что это: социальная группа или внутреннее душевное качество? Или и то и другое вместе? А может, это некий тайный орден, имеющий свои цели и скрытно их реализующий?

Думаю, не далек тот час, когда слово «интеллигенция» превратится в технический термин, предназначенный для описания отечественной истории XIX–XX веков. За пределами этого временного среза и за границей российской географии термин этот нежизнен и бесполезен. У нас же ему придано слишком большое значение.

Как указывает латинский корень, термин касается познавательных способностей. Очевидно, интеллигентом должен называться тот, кто умеет накапливать коллективные знания и опыт, умеет систематизировать и анализировать накопленное. Вот и все. Никаких шансов для самолюбования.

Можно предположить, что человек, отмеченный способностью к подобной деятельности, станет заниматься в жизни тем, что у него получается лучше, чем у других, и, соответственно, займет свое место в обществе.

Но наш народ в указанное время (XIX–XX века) настырно присоединял к умственным способностям некие возвышенные нравственные качества и получал в результате «виртуальное элитное существо», отмеченное умом и святостью. По сути – аналог ангела. Теперь на этого «ангела» можно возложить задачу благого переустройства мира, а в случае неудачи – повесить на «несправившегося ангела» всех собак.

Эти мысли не могли прийти когда угодно, но пришли в период возникновения веры в науку и в неизбежное счастье, достигаемое в результате прогресса. Очень примитивная цепочка размышлений, но крепка, как корабельный канат.

«Прогресс – это благо. Наука принесет счастье. Люди умные, вооруженные знаниями и передовыми идеями, двигают человечество к цели. Принадлежать к этим людям почетно и вождено». И вот, усвоив новый символ веры, полезли в духовную элиту все, кто боится физического труда, непомерно страдает от неутоленного тщеславия, ну и, вестимо, желает счастья всему человечеству.

Марево это рассеялось, отшумев сначала газетными спорами, затем залпом с «Авроры», затем такой свистопляской, что отдельно взятый ум осознать ее не способен. Это дела важные, но минувшие. Там, в минувшем, осталась интеллигенция разночинная, то есть семинаристы со злыми глазами, пишущие статейки в левые газеты. Осталась интеллигенция советская (термин насколько зловещ, настолько запутан). В парижских кофейнях память о себе оставила интеллигенция эмигрировавшая, поспособствовавшая гибели родной страны собственной ленью, позерством и ограниченностью. А еще была «вшивая интеллигенция», чем-то по привычке гордившаяся, но не умевшая себя ни прокормить, ни защитить. И были те, кого А. И. Солженицын называл «образованцы», то есть, по толкованию Д. С. Лихачева, помесь самозванца и оборванца.

Теперь, когда веры в науку поубавилось, скепсис увеличился, счастье удалилось за горизонт, а взгляды потухли, мы продолжаем пользоваться термином «интеллигенция» по инерции, постоянно путаясь в трех смысловых соснах.

Вот люди строят мост. Инженеры работают головой, рабочие – руками. Кто здесь интеллигенция? Я, честно сказать, не знаю. Если главный инженер пьян с утра на всяк день, а прорабом не ругается, а разговаривает, то интеллигентом может оказаться экскаваторщик, читающий за работой Иисусову молитву, а дома перед сном – Шекспира. Именно он и будет аристократом духа, тем более истинным по той причине, что ни медали, ни добавки к зарплате за красоту своего внутреннего мира ни у кого никогда не попросит.

Интеллигенции либо нет вообще, либо (если это невидимое братство благородных душ) принадлежность к ней от рода деятельности не зависит. И уж что действительно правда, так это то, что работники умственного труда ни привилегий, ни почета, ни особого статуса за один только факт умственного труда не заслуживают.

И не надо Церкви расшаркиваться перед каждым актеришкой и режиссеришкой на том основании, что они якобы к истине вплотную подошли. Подавляющее их большинство никуда не подошло и подходить не собирается, а мы к ним – на цыпочках да с микрофончиком.

Жизнь наша такова, что даже беседа с профессором философии в девяти случаях из десяти обещает быть скучной и бесполезной. И это потому, что профессорами философии часто становятся не от любви к истине, а как раз наоборот.

Приносить реальную общественную пользу силой своего интеллекта может тот, кто осознает действительность, снимает с нее смысловые слои и вскрывает скрытые пружины и механизмы.

Непонятый мир хаотичен, и жизнь в нем настолько абсурдна, что самоубийство может стать эпидемией. Тот, кто осмыслил мир и преодолел хаос, кто дал событиям и явлениям правильные имена, тот умничка. На латыни – интеллигент. Им может быть и актер, и режиссер, но не всякий актер по необходимости.

Интеллигент – это тот дворник из анекдота, который был похож на Карла Маркса, но бороду не брил, потому что все равно «умище девать некуда».

В советское время как раз среди дворников количество более-менее вменяемых людей было в процентном отношении больше, чем среди представителей других профессий. Были люди, которые не хотели подниматься вверх по карьерной лестнице, оставляя внизу совесть, и потому занимали скромные жизненные ниши, что-то осознавая и о чем-то Богу молясь. По мне, так это и есть умственно-нравственная элита.

Не надо также забывать, что существует еще анти-интеллигенция. Это очень неглупые люди, харизматичные и не без амбиций, но пойманные бесом за губу; люди, которые не распутывают, а запутывают мир. Их ум обладает каким-то бесовским качеством, какой-то inferнальной особенностью сбивать с пути, делать простое сложным, менять уродство и красоту местами, короче – превращать мир в бесовскую грезу. И эта категория людей представлена писателями, драматургами, критиками, художниками, философами, политологами, борцами за всевозможные права etc.

То есть это представители умственного труда. Быть может, термин «интеллигенция» для них неприемлем, но к элите они себя относят. Их чернильницы, вернее – картриджи их принтеров, заполнены концентрированным ядом, способным отравить сознание очень большого числа людей. Дьявол любит этих своих духовных детей, поскольку у них в руках – отмычки от замков человеческого сознания.

Тот, кто способен вести с легионом подобных «мыслителей» умную войну, и есть самый нужный человек, служащий Богу своим интеллектом.

Оставляя в стороне споры о роли интеллигенции в истории Отечества и размышления о точном определении этого самого явления, нужно озаботиться тем, чтобы «иметь глаза в голове своей» и понимать, что происходит вокруг нас и внутри нас.

Учиться надо, думать надо. При этом ни гордиться, ни считать себя лучше других нельзя. И молиться надо непременно, потому что немолящийся ум чем более силен и изворотлив, тем более похож на сатану. Такой ум все что хочешь запутает до крайней степени. До той самой степени, до которой в российской истории запутан вопрос об интеллигенции.

Какие люди мне нравятся

Нравятся мне люди, которые не боятся стареть. Это умницы и это воины. Без подтяжек, без липосакций, зато с мыслью в глазах, с внуками, с конкретным делом в руках. Такие, быть может, и умирать не побоятся. Хотя смерть – непрощенная дама и капризная и напугать способна кого хочешь. Но все равно, если человек встречает старость без истерик, значит есть нечто за душой у человека.

Еще нравятся люди, вокруг которых чисто. Чисто в доме, чисто на прилегающей к дому территории, чисто на рабочем месте. Дал Господь Бог под начальство и ответственность каждого человека небольшой кусочек земли, и нужно на нем навести и поддерживать порядок. Если видишь свинарник вокруг, значит у людей внутри такой же свинарник. Грязь в мозгах и смрад в глубинах сердца неизбежно проявятся через кучи пустых бутылок вокруг, горы фантиков, лужи разлитых напитков и надписи на заборах. Поддержание порядка на маленьком кусочке земли есть манифестация стремления к внутренней чистоте или даже проявление этой уже имеющейся внутренней чистоты, пусть и относительной.

Нравятся люди, могущие удивить, не мечущие все козыри на стол в первые пять минут знакомства. Думаешь: прост человек и до крайности обычен. Даже неинтересно. А он вдруг со временем открывает все новые и новые грани характера, и видно, что много у него этих граней. Просто он не выпячивает все сразу и не красуется без толку.

Хороши те, кто делает что-либо своими руками и не только не боится всякой работы, но и любит ее. Работяги обычно – молчуны. Основательный человек не любит тратить силы в разговорах. Он знает, что ничто так не опустошает и не обессиливает душу, как бесплодная и беспредметная болтовня. «Либо разговоры разговаривать, либо дело делать» – так он думает, и нравится мне он из-за этого.

Еще нравятся те, кто в разговорах не хвалит себя и не жалуется. Значит, не самовлюблен человек. А если даже увлечется и расскажет о себе больше, чем обычно, то стыдится и старается разговор в другое русло перевести. Тот, кто про себя «любимого» без конца языком не треплет, тот слушать умеет. Умеет слушать, потому что знает: на свете кроме него еще другие люди есть. И другие люди ему при случае с удовольствием душу свою изливают, потому что чувствуют: он не посмеется и не расскажет другим то, что услышал.

Нравятся мне те, кто свою норму в спиртном знает. Под стол не падает, в свинью не превращается и другим не дает, приключений «под градусом» не ищет. Такой человек с компаниями переборчив и с кем попало пить не станет. Очень нравятся мне такие люди.

Еще нравятся те, кто много книг прочел не потому, что ученая степень требует, а потому, что душа книгу любит, невзирая на, может быть, самую простую профессию.

Если эти люди мне нравятся, значит они есть. Не может же нравиться мне или другому человеку то, чего нет в природе. Такие люди есть, это так же точно, как то, что Бог свят! Но их не очень много, потому что то, чего очень много, всегда теряет в цене и перестает удивлять. Если бы золото было по цене камня, то никто бы из него украшений не делал и денежным эквивалентом не считал.

Люди, которые мне нравятся, есть, хотя их могло бы быть и больше. Мир должен стоять на чем-то, так вот он, возможно, на них и стоит. Мне нравятся тещи, о которых с любовью говорят зятья. Такое тоже бывает. Бывают погребения, на которых зятья рыдают об усопшей теще больше, чем родные дочери. Не фантазирую, но говорю, что видел. Редко, но видел. Еще видел начальников, по которым на похоронах убивались сотни подчиненных. Убивались так, будто отца родного хоронили, и понимал я в это время что-то, что еще слов не нашло, чтоб высказаться.

Случалось видеть очень умные и проницательные глаза под офицерской фуражкой или под рабочей кепкой. Но бывали и бараньи глаза под профессорской лысиной. Чин и звание в вопросах душевных качеств никакой роли не играют. Думаю, все согласится.

Очень нравятся мне те, кто любит и хвалит не только своих (семью, народ etc.), но готов учиться даже у врага и хвалит всех, кто объективно того заслуживает. Такой человек даже на войне убитому врагу скорее честь отдаст, чем на могилу его помочится, и за это благородство Бог именно такому человеку победу даст.

Есть еще много таких черт, которые непременно бы понравились, если бы мы их замечать умели. Но добро прячется, добро в тишине живет и в second-hand'e одевается. Может, и не обязательно в second-hand'e. Это я так, к слову, ради иллюстрации скромности. Подлинное добро, как шедевр в картинной галерее, тряпочкой от солнечного света завешивают, поскольку и картины, и подлинное добро от прямых лучей портятся.

Мне кажется, что если детям дать тему сочинения «Какие люди мне нравятся», то они напишут или заезженные фразы о теоретическом добре, или откровенную чушь про звездную шелуху. Сочинение на эту тему хорошо бы задать взрослым. Они бы по необходимости стали размышлять над нравственной проблематикой, выкапывать из глубин подсознания какой-то личный опыт, анализировать его, стали бы думать сердцем и царапать заскорузлой рукой на бумаге страшно некрасивые буквы (писать-то отвыкли). Это был бы великий опыт. Как бы его внедрить? Как бы заставить людей отказаться от той мысли, что разговоры о нравственности приличны только в школе с желторотиками, а во взрослой жизни, мол, никто уже не только в нравственность не верит, но даже говорить о ней отказывается.

Это – жуткая ошибка. Взрослому человеку нужно говорить и думать на нравственные темы постоянно, поскольку взрослая жизнь целиком состоит из решения нравственных задач различной сложности.

Честное слово, так бы и задал я всем взрослым сочинение на тему «Какие нравственные качества я ценю больше всего». Или «От отсутствия каких нравственных качеств страдают я и моя семья?» Потом устроил бы всенародное обсуждение, награждение победителей, новый этап конкурса с иной темой по тому же профилю. У СМИ появился бы серьезный проект, заполняющий эфир, и от проведения которого не стыдно. Поверьте, это не было бы бесполезным занятием. Вы когда-нибудь письма из тюрьмы читали? Да ведь это почти в полном объеме – сочинения на нравственную тематику, написанные с опозданием. Были бы они написаны в свое время, не пришлось бы по прошествии многих лет упражняться в каллиграфии и рассуждении о том, как нужно жить, из-за колючей проволоки.

Итак, всенародный труд по написанию сочинения на нравственную тему можно считать открытым. Я свое уже написал.

Человек похож...

Человек похож, например, на дерево. Нужно плод приносить, а иначе – срубят. Или – на свечу. Нужно от рождения до конца земной жизни гореть перед Богом ровным огнем без копоти. А еще похож человек на самолет. Да-да, на самолет, который «проводяют совсем не так, как поезда», под крылом которого «о чем-то поет зеленое море тайги», и так далее.

Рассказываю почему.

В полете для воздушного судна самое главное – взлететь и сесть. Это самые опасные и ответственные этапы. На набранной высоте тоже могут быть форс-мажоры: может птица в турбину попасть, может забарахлить техника или электроника, может горючего не хватить, опять же – турбулентность и т. д. Но все равно самое главное и самое трудное – взлететь и приземлиться. У человека в жизни все точно так же.

Когда человек уже зачат и первые месяцы жизни проводит внутри материнского организма, то это сравнимо только с возникновением новой вселенной. Все остальные сравнения не дотягивают. Вырастая внутри утробы от одной живой клеточки до целого и полноценного человека, мы семимильными шагами там, во тьме, проходим, пролетаем огромные этапы развития. Это – межзвездный полет. Все, что ждет нас вовне, по степени важности рядом не стоит. Назовем это запуском двигателей и взлетом.

Потом самые важные этапы проживаются в первые годы жизни. Никакая учеба ни в каком институте не сравнится по важности получения информации и навыков с теми первыми годами, когда человечек выучивается ходить, говорить, ориентироваться в огромном мире. Затем интенсивность накопления навыков снижается, хотя нам именно кажется, что жизнь набирает силу. Образование, выбор профессии, поиск своего места – это набор высоты. Жизнь постепенно замедляется, и изменения происходят более количественные, чем качественные. Наконец достигается потолок, выше которого не взлетишь, и человек движется на заданной высоте. Это мы называем зрелой жизнью.

У кого-то рейс внутренний: из Харькова в Симферополь. Ему и лететь час с небольшим. У кого-то рейс покруче: допустим, Дели – Нью-Йорк. Там и высота побольше, и скорости выше. Но это – детали. Все равно цель полета не сам полет, а приземление и доставка к месту грузов и пассажиров. Таким образом, если сравнивать нас с самолетами, то большая часть важнейших этапов у нас, взрослых людей, уже позади. Кто-то так и не выехал из ангара, кто-то развалился на взлете, у кого-то на борту в воздухе оказался террорист или почему-то быстро закончилось топливо. А у нас – все в порядке. Взлетели, скорость и высоту набрали. Летим. Самое важное теперь – впереди. Самое важное – сесть и не разбиться. Разумею «христианскую кончину живота нашего, безболезненную, непостыдную, мирную, и добрый ответ на страшном Судище Христовом».

Больше мечтать не о чем. Лети, смотри по сторонам, наслаждайся видом в иллюминатор, пилот пусть следит за приборами. Цель с каждым часом становится ближе.

Когда приземлимся (дай Бог приземлиться), нужно будет еще пройти паспортный контроль. Аэровокзалы ведь тоже места весьма символические.

Это целая система дверей, ворот и переходов. Это эшелонированная, организованная защита, не пускающая на борт кого попало. Прямо мытарства своеобразные.

Тут «пожалуйте вещи на досмотр». Там «будьте любезны, снимите запонки, часы, ремень, высыпьте мелочь из карманов». Иногда приходится разуться или даже раздеться. Потом «встаньте здесь, руки в стороны, теперь еще раз».

Потом «предъявите паспорт и билет». Документы должны быть правильно оформлены, анкеты правильно заполнены. Случится вам быть невыездным или в розыске, вас тут же «примут» на паспортном контроле и под белы ручки отведут куда надо. Еще есть такое понятие, как виза, регистрация. И даже когда все пройдено, нужно не сразу сесть в кресло, а ждать. Иногда – долго.

Есть, правда, такая категория пассажиров, как VIP-клиенты. Эти приезжают в аэропорт за пять минут до взлета, когда двигатели уже прогреты. Минуя всякие формальности, они в сопровождении стюардесс садятся на борт и – вперед. Видимо, в мире духовном им соответствуют святые. Без мытарств, без проволочек, без нервов и ожидания они сразу в сопровождении ангелов отправляются к цели. Но подавляющее большинство коротает время, бродя по duty free, зевая, глядя в окно на взлетную полосу или на табло с расписанием.

Одному знакомому приснилось, что он срочно улетает. Огромный аэропорт, сотни дверей и окошек – заблудиться можно. И его нигде не пускают. Даже разговаривать не хотят, опускают головы, не берут в руки его паспорт. Справа и слева люди проходят контроль и идут дальше, а он – нет. Прямо как с Марией Египетской: какая-то рука упирается ему в грудь и не пропускает на посадку. А уже объявляют, что скоро взлет! Он в панике бежит вдоль бесчисленных дверей и окошек и вдруг обнаруживает, что билет он потерял. На табло высвечивается информация, что посадка заканчивается. Человек понимает, что он на борт не попадает. И еще он понимает, что дело не в самолете, а в том, что его не принимают в иную жизнь, в настоящую жизнь. Он там не нужен, и уже ничего нельзя изменить или исправить. В ужасе он просыпается.

Кем бы он был, скажите, если бы сразу после пробуждения не побежал в храм Божий на исповедь?!

Вся наша жизнь есть школа символов, притч и загадок. Сказал же некто, что учиться можно даже у телефона. Чему? А вот чему: сказал «здесь», а услышали «там». Чем не образ молитвы?

И не только у телефона учиться можно. Но еще и у самолета, и у аэровокзала...

Город. Тюрьма в гирляндах

В XXI веке население городов впервые преодолело отметку в 50 % населения Земли, сохраняя стойкую тенденцию к увеличению роста. Земля будущего, таким образом, это планета горожан, при том что сам город перерастает первичное свое значение, отказываясь от стен, застав и прочих пространственных ограничителей. Это уже не огороженная территория, а некое инфраструктурное и ментальное явление, подчиняющее человека изнутри смыслами, а не снаружи стенами.

В Африке, Америке, Индокитае города разные, но все равно есть некий набор общих психологических черт горожанина, позволяющий оценивать их по общим же критериям. Так и муравьи обитают всюду, кроме Арктики и Антарктики, и хотя отличаются по размерам и деталям образа жизни, классифицируются все же как муравьи – общественные насекомые отряда перепончатокрылых.

У Пушкина в «Цыганах» отрицательный образ городской жизни автор вкладывает в уста Алеко. Алеко – гордый человек, покинувший атмосферу городской суеты и презрительно смотрящий в ту сторону, которую покинул. Земфира (его возлюбленная в таборе) спрашивает Алеко, не тужит ли он по привычной жизни, которую оставил? И слышит в ответ:

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!

Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

Отдадим должное гению Александра. Его слово, сохраняя поэтическое изящество, часто способно соперничать с наукой по степени точности определений. Болезни города он классифицирует двояко. Во-первых, это чисто природная неестественность – «неволя душных городов». А во-вторых, это психологический портрет раба – усредненного жителя города.

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

Первый раздел проблем решается в истории успешнее, чем второй. И хотя к духоте и скученности вскоре добавились проблемы под названием «транспорт», «мусор», «загазованность

воздуха», все же есть города комфортные для жизни, зеленые, сочетающие выгоды живой природы с выгодами цивилизационного комфорта. Таких городов немного, но они есть, и теоретикам урбанизации есть на кого указать в качестве примера. А вот второй раздел болезней врачуетесь сложнее, если вообще врачуется.

Современный человек любви не стыдится. Он называет ее иностранным словом «секс», которое в свою очередь, будучи существительным, нуждается в глаголе «заниматься». Нравы год от году свободнее, и в городах более, чем где бы то ни было. Это не столько свобода, сколько распущенность, причем распущенность ума – в первую очередь, и отсутствие нравственных ориентиров. А вот «мысли гонят», как и прежде. Мысли вообще гонимы по преимуществу. Если гонят где-то людей, то гонят именно за мысли, которые нашли себе прибежище в людских душах.

Бесстыдство полового поведения, помноженное на органическое отвращение к ясности ума, дают в итоге такое явление, как многолюдный праздник, назовите его хоть карнавалом, хоть народным гуляньем. Кстати, демонстрации и протестные марши – это тоже разновидность народного гулянья, лишь окрашенная в иные эмоции. Там тоже много половой энергии, которую не успели никуда деть, и глубокое коллективное бессмыслие.

Волей торгуют все или почти все. В этом горько признаваться, но если не признаться, то будет еще горше. Если бы птицы были похожи на людей и умели клеить на столбах объявления, мы могли бы прочесть такие тексты: «Меняю бескрайнее синее небо на золотую клетку и регулярное питание». Собственно, три последние строчки из приведенных пушкинских говорят об этом же:

Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.

Вот вам моя воля. Дайте денег. Согласен на цепи.

Чтобы совсем уж с ума не сойти и создать иллюзию относительной свободы, человек может иногда побыть дайвером или альпинистом. Но потом – назад, в тюрьму, потому что там хорошо, там сейчас – макароны.

Слово «свобода», лишенное мысли о Боге, об искуплении тела нашего, до наступления которого *мы стенаем сами в себе* (Рим. 8, 23), есть какая-то насмешка и издевательство. Свобода без Бога есть некая смрадная ложь. А всякая смрадная ложь, жонглирующая священными понятиями, есть идол. Именно это – идол, а не что-либо другое.

В городах действительно «главы пред идолами клонят», и самых любимых болванчиков штампуют политика и коммерция.

Человек спокойно смотрит ролики о паразитах в матрасе или о хлорке в водопроводной воде. О паразитах в общественном сознании и о хлорке в собственной голове человек уже слушает с гораздо меньшей степенью толерантности.

Алеко у Пушкина – гордец. Убежав из города, он на природе проливает кровь, странно сближаясь с другим литературным персонажем – шукшинским беглецом из лагеря в рассказе «Охота жить». Там, наоборот, злодей с волчьими повадками бежит из мест лишения свободы именно в город, где слабые и разнеженные люди боятся смерти и тех, кто не боится убивать.

«Ты не знаешь, – говорит беглец охотнику, которого в конце рассказа предательски застрелит, – как горят огни в большом городе. Они манят. Там милые, хорошие люди, у них тепло, мягко, играет музыка. Они вежливые и очень боятся смерти. А я иду по городу, и он весь мой. Почему же они там, а я здесь? Понимаешь?»

Это еще она проблема городов, которые чем больше по размеру, тем страшнее на окраинах. Маня теплом и сытой праздностью, они способны ужаснуть подлинными джунглями, куда лучше не заходить с наступлением сумерек.

В отечественном кинематографе этот контраст выражен в фильме Балабанова «Брат». Для доброго немца Гофмана город – это безликая сила, способная любого изломать. А для Данилы это место жительства массы слабых людей. И Данила без страха ходит по шумным улицам с плеером в ушах, потому что сам может убить кого хочешь.

Двусмысленность – одна из характеристик нашей жизни. Срубая лихо голову одной проблеме, мы вскоре обнаруживаем уже две головы на месте недавней смертельной раны. Со временем и руки устают, и лезвие тупеет, а сложности все умножаются на глазах у сражающегося со сложностями человека.

Дело не в городах и не в бегстве от них. Дело в самом человеке, который, куда бы ни пришел, всюду приносит себя самого, причем себя испорченного. Так и заканчиваются «Цыганы». Укорив вначале городское рабство и воспев природную простоту, Пушкин заключает все же, что:

Счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны.

Александр Сергеевичу спать до Страшного Суда в надежде на милость Бога и людские молитвы. А нам жить еще, сколько Бог даст, всматриваясь в черты окружающей жизни и пытаясь понять ее. Для чего, собственно, и книги пишутся, и разговоры разговариваются.

Демократические процедуры

Демократические процедуры – вещь хорошая, но вряд ли такая уж безальтернативная. Демократия и торжество личных свобод диалектически превращаются в свой антипод, если их пытаются изобразить чем-то единственно правильным, часто не к месту цитируя Черчилля. Демократия, мол, несовершенна, но лучшего, дескать, никто не придумал, и так далее и тому подобное. Все это достойно сомнений. И можно Черчиллю предпочитать Станиславского, говоря «не верю».

Вас не смущает голосование? То есть сам принцип, при котором побеждает большинство? Меня смущает. Что-то подсказывает мне, что большинство вовсе не обязано быть правым по сути. Большинство способно чудовищно заблуждаться. А ему вручают санкцию на непогрешимость суждений на основании одного лишь количественного перевеса. По меньшей мере – странно. По большей – чудовищно.

Предположим, что мы заблудились в лесу. «Мы» – это некая разношерстная группа людей, случайно оказавшихся вместе, как пассажиры поезда. «Сумма избирателей» часто именно такова. Темнеет. Есть нечего. В душу заползает страх. Нужно куда-то двигаться, поскольку пребывание на одном месте угрожает смертью. Начинается галдеж и обмен мнениями. Один говорит, что надо идти «туда». Другая вопит, что надо бежать в противоположную сторону. Один человек пытается объяснить, что немного знаком с ориентированием на местности. То ли он был скаутом, то ли работал геологом. Короче, у него есть некие практические и неэмоциональные соображения. Одна беда – его не слышно. Вместо того, чтобы послушать компетентного человека, заблудившиеся решают голосовать: идти «туда» или бежать в противоположную сторону. Бывший геолог подчиняется законам массы. Далее – сценарий триллера или картина на тему «Толпа линчует несогласного одиночку».

Выбор направления исторического движения чем не аналог голосования заблудившихся людей? Мы все исторически «блукнули». Надо искать жилье, людей, хоженные тропы, надо спастись. И один голос более-менее компетентного человека в этой каше испуганных голосов стоит больше, чем единогласное или большинством полученное решение людей, руководимых лишь эмоциями. Простой сумме невежественных воплей должно противостоять умное слово знающего человека. Так технолог на кондитерской фабрике не обязан устраивать митинг на тему определения количества изюма, закладываемого в массу для будущего кекса. Голосование здесь ни к чему. Есть знание специалиста. И так повсюду.

Другое дело, что есть сомнения в компетентности специалистов. И есть подаренное массам право спесивой самоуверенности в том, что воля ее – это воля Бога. (Тот еще афоризм.) То есть подарена ложная мысль, что «мы сами с усами» и во всем способны разобраться в силу избыточной и врожденной гениальности. Вот только завоitiруем и пробаллотивируем да честно подсчитаем результаты, и плоды родиться не замедлят. Эта уверенность и есть «внутреннее проклятие демократии».

Что вообще понимает большинство? На что оно опирается? Обязано ли оно всегда избирать лучшее и не способно ли иногда избрать худшее? Представим себе, что большинство почему-то решило питаться из выгребных ям, находя это экономичным и естественным. Про-

сто представим это в видах мысленного эксперимента. И что делать меньшинству, отстало и консервативно предпочитающему иметь на столе хлеб белый и черный? С точки зрения процедуры все безукоризненно: победила цифра. Но с точки зрения истины произошла антропологическая катастрофа – люди предпочли несъедобное. Два явления произошли вместе: антропологическая катастрофа и победа демократических процедур.

Пример с хлебом и выгребными ямами – конечно, сгущение, но намеренное. Впрочем, почему сгущение? Недалек тот час, когда общественное сознание человеку разрешит, быть может, смотреть с вождением, как на сексуальный объект со всеми вытекающими последствиями, на собственную дочь или сына. Произойдет взлом очередного массового табу, и большинство вдруг решит, что «ничего страшного». Ведь уже сегодня список тех явлений, что раньше считались неестественными, а сегодня превозносятся до небес, весьма пространен. Дело, как водится, проголосуют. И кем станут те, кто не согласен ни с формулировкой вопроса, ни с итогами голосования? Они будут врагами истины, коль скоро под истиной привыкли понимать мнение большинства.

Хорошо, если большинство состоит из людей умных, ответственных, работающих, честных. А что если нет? Что если оно состоит из лодырей, завистников и развратников, из лжецов, которые врут не краснея? Тогда что? Сама по себе процедура голосования не включает в себя размышления о нравственном состоянии голосующих. Не включает она и какой-либо коррекции с учетом этого нравственного состояния. Процедура есть явление схематическое и холодное. Теплеет она, лишь наполняясь кровью и дыханием живых участников процесса. И кровь эта может быть отравленной, а дыхание смрадным.

Голосование и вера в правоту большинства возникли там и в тот момент, где и когда люди были действительно социально активны, богобоязненны и ответственны. У них был за душой немалый набор столетиями накопленных ценностей. Поэтому проект сработал. А затем постепенно умы впитали мысль об универсальности человечества и всеобщности отдельных удачно апробированных процедур. С тех пор стали считать, что если что-то где-то работает, то это «что-то» должно работать везде и сразу.

То, что дите сосет молоко из груди, а взрослый жарит стейк на гриле и местами их менять нельзя, понятно. А то, что понятное одному народу может быть вовсе не понятно другому, как-то упускают из виду. Упускают из виду то, что народам, как и людям, нужно расти, учиться, преодолевать внутренний хаос, набираться опыта, и все это совершается не по графику, не линейно, а путано и таинственно, под действием Промысла.

Одни люди доросли до чего-то. Другие и не думали расти, но уверовали в силу формулы и внешних механизмов. Пока вторые бесплодно внедряли чужие схемы в свою горбатую жизнь, те, первые (правнуки изобретателей формы и творцов идеи), изрядно растеряли нравственные качества, породившие успешную процедуру. Обе стороны пошли друг другу навстречу, как при строительстве железной магистрали. Одни – теряя прежнюю крепость, другие – мучаясь бесполезным обезьянничаньем. Когда те и другие встретятся, вера в формулу у них будет идентичная, а внутренний мир – одинаково далек от возможности правильного внедрения формулы. Если вы не потеряли нить и поняли, о чем бишь я, то можете представить себе встречу двух потоков как всемирный исторический акт – финальный и безобразный.

Демократии привычно противопоставляется диктатура, страх перед которой толкает людей к бюллетеням, урнам, референдумам, агитациям и прокламациям. Но линия антагонизма проходит не между диктатурой и демократией, а внутри любой социальной формации между здоровым и извращенным ее вариантом. Так, монархии противостоит не демократия, а тирания, что видно на примере крушения монархии в России с вползанием на опустевший трон красных тиранов. Демократии же противостоит хаос, поскольку субъект процесса может представлять из себя «охлос» – толпу, а не «демос» – носителя определенных ценностных ори-

ентиров. Существует еще аристократия, извращающаяся в олигархию, то есть «власть немногих», людей, напрочь лишенных аристократизма.

Россия привычно существует в рамках борющихся друг с другом монархии и тирании. Вкрапления либерального словоблудия лишь способствуют разрушению относительно здоровых форм жизни с целью замены их на откровенно бесовские. В России мираж шапки Мономаха столь отчетливо различим в воздухе, что любой Разин или Пугачев лишены возможности назваться каким-либо именем, кроме «настоящего царя». Мышление русских имеет вертикальную координату и сакральную составляющую. А Украина сопротивляется именно идее царской власти и альтернативу видит не в демократии вовсе, а в аристократии (казацкая старшина, местные помещики, просвещенные и не очень etc.). И недоношенная местная аристократия удобно превращается в олигархию (новые помещики, местные князьки, латифундисты, рабовладельцы и пр.). Все очень органично и до некоторой степени неизбежно. Демократия же, как осознанный выбор свободно распоряжающегося своей жизнью человека (но не пролетария и не люмпена, а труженика), у нас даже не ночевала.

В подобных исторически сложившихся условиях наша возня с плебисцитом (говорю об Украине, поскольку пою о том, что вижу) есть обидное баловство, не имеющее конца и сжигающее народную энергию. Украине, вполне возможно, не видать ни монархии, ни демократии по причине внутренней к ним неспособности. Поезд, везущий в счастье, она вынуждена ожидать на станции «Олигархия». И сама олигархия вряд ли когда-нибудь станет аристократией, опять-таки по причине внутренней к сему неспособности.

Ситуация подобна той классической, когда перед лицом приближающейся катастрофы, с одной стороны, делать что-то нужно, а с другой – любая активность по определению бесполезна. В это время можно только молиться, что украинцы умели раньше и должны уметь сегодня. Нужно просто-напросто постараться остаться человеком с именем Божиим на устах до того часа, когда небо начнет свиваться, подобно старой одежде. Вряд ли нам даны еще какие-то иные творческие варианты.

Готовых формул, даром несущих счастье, в принципе нет. К примеру, есть партитура гениального произведения. Но произведение же нужно исполнить! Нужны годы, затраченные на овладение исполнительским мастерством, нужно грамотное чтение партитуры и проникновение средствами музыки в сокровенный авторский мир. А это – ой какой труд! Точно таков же и путь овладения всяким апробированным рецептом успеха, научного, социального или художественного.

Активным субъектом всюду будет личность. Не народная масса и не другое понятие из разряда больших цифр, а живой и разумно действующий человек. Наше агонизирующее поведение повсюду обнажает главный дефицит – дефицит здоровой личности. Нет тех, кто силен, умен и спокоен, кто владеет темой и медленно прокладывает по земле борозду. А именно такие люди нужны в государстве и обществе, Церкви и школе.

Так получается, что скрипки есть, но нет ни ушей, ни пальцев. И мрамор подешевел, но количество скульпторов не увеличилось автоматически. И демократические процедуры есть, но есть ли демок?

Все превращается в баловство и симуляцию, если на вас не смотрит понимающий взгляд человека, который ответственен за свои слова и поступки. Тем-то и плоха демократия, что она питает самодовольство в человеке, которому нечем гордиться. И долю ответственности за страну демократия с преступной легкостью возлагает на плечи даже тех, кто пуговицу пришить не может. А воспитание личности благородной и стремящейся к совершенству в задачи демократии вписывается с трудом. Поскольку такие личности тяготеют более к монархии или аристократии, книгам верят больше, чем рекламе, и если куда-то бегут, то скорее в храм, чем на распродажу.

Содом

На том этаже телецентра, где мы ожидали записи передачи, прогуливаясь по коридору, было очень людно. Видимо, Украина продолжала искать таланты, и почти голые девицы, совсем еще юные, в ожидании вызова на сцену хлопали накрашенными ресницами, шумели в гримерках, выбегали на перекур, тараторили с друзьями и родителями, прижав мобильники к уху.

Нас было двое, и мы коротали время в занимательном разговоре. Моим собеседником был знаток Ветхого Завета, и мы, мысленно открывая сундук библейских сокровищ, перебирали отдельные его драгоценности, наслаждаясь их красотой. Надпись «Идет запись» еще была темна над нашей студией.

О чем мы только не говорили тогда: о благословениях, данных умирающим Иаковом сыновьям; о красной телице; о пропавших без вести десяти коленах; о первом Храме. Каким-то боком разговор наш зацепил и тему Содомы. Содом – это дело ясное, казалось мне. Неестественный блуд, грубое насилие, мужеложство – вот его яркие признаки. Оказалось, что не только в этом дело. В который раз оказалось, что мы можем привычно думать о чем-то и считать дело ясным и до конца решенным, тогда как дело и не ясно, и не решено, и нами до конца не выяснено.

– Содом – это не просто половая содомия, то есть извращение половой жизни, – говорил мой знакомый. – Половая содомия есть лишь часть общей содомии, причем побочная часть.

– А что значит «общая содомия»? – спросил я, по правде сказать, недоумевая.

– Это извращение всех вообще сторон жизни и потеря человеческого облика. Сильнее всего это извращение проявляется в утрате способности отличать добро от зла и, как следствие, в извращении правосудия. Несправедливость в судах, тотальная, вопиющая и невыносимая несправедливость – это такой же фактор Содомы, как половая страсть мужчины к мужчине.

Мы разговаривали на ходу, медленно прохаживаясь между кандидатками в «звезды», огибая их и иногда невольно слегка с ними сталкиваясь.

– Вот эти девочки, к примеру, – продолжал мой собеседник. – Они ходят голые среди мужчин, которые им не отцы и не мужья. И при этом думают, что так и надо. Это – Содом. Они потеряли чувство меры, чувство стыда, чувство справедливости. С этим согласны их родители. И все это – Содом. Попробуйте сказать им, что они ведут себя нечестиво, что они развратницы и позор своих семейств. Они набросятся на вас, как стая птиц на падаль, они съедят вас, и вы ничего не сможете им ни доказать, ни объяснить. Это и есть Содом. Их родители, кстати, поступят с вами так же.

Тут я начал вспоминать все, что читал в Писании о вещах подобного рода.

У тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд (Иер. 3, 3).

Выражение лиц их свидетельствует против них, и о грехе своем они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают: горе душе их! Ибо сами на себя навлекают зло (Ис. 3, 9).

Грешить и не краснеть, хвалиться грехом, зарабатывать на беззакониях – вот Содом. И это еще далеко не все.

Многие вещи сокрыты ночным мраком. Для того они и творятся ночью. Но люди теряют стыд и свет слова вносят туда, где должно быть темно. Они смеются и говорят открыто о грехах

своих. Они гордятся грехами, словно это – победы на поле боя. И это – содомское сознание. Я всегда скрыто чувствовал это, а теперь стал не просто чувствовать, но понимать.

Мы продолжили разговор.

Древнее предание говорит, что четверо судей было в Содоме: Шакрой, Шакрурай, Зайфой и Мацли-дин. Первые двое получили имя от слова «шекер», то есть «ложь». Третий – от слова «зайфон», то есть «подделыватель», а имя четвертого означает «извращающий правосудие».

Извращенное правосудие – вот Содом. Тебя ограбили, но ты же еще и должен. Это – Содом. Ты обратился в суд и обнищал от судебных издержек, но правды так и не добился. Это – Содом. У тебя отобрали имущество, лишили наследства или сбили на дорогой машине, но ты же и оказался виноват – вот тебе настоящий Содом, без всякого отношения к половым пакостям. Это потом несправедливые судьи, обмывая очередную «победу», будут смеяться над жертвой, упиваться и в пьяном виде творить пакости. Эти-то пакости мы и называем Содомом, но сам Содом – это то, что творится раньше, то есть беззаконие.

Жестокость, бесчеловечие – признаки извращенного бытия. «Вы – говорил Исаия, – присоединяете дом к дому и выгоняете бедняка. Как будто вы одни живете на земле».

И он же говорил, что если бы Господь не сохранил Израилю остатка, то израильтяне были бы как Содом, уподобились бы Гоморре.

Бесчеловечие, обман, тотальная жестокость – вот родовые признаки Содома, и мы в нем живем. Да, к счастью, однополые забавы и половая гнусь культурно все еще далеки от нас. Но не только в этом дело. В роскоши и грабеже – Содом, в злой неправде – Содом. А уж там, за высоким забором содомского дворца, выстроенного на слезах безответных жителей земли, никто не помешает поселиться и всякому половому извращению. Так оно и бывает. Так оно и есть.

Воплощенный, актуализированный Содом – это «Колымские рассказы» В. Шаламова, где урка играет в карты на свитер, только что присланный с воли соседу по нарам. Урка проигрывает чужой свитер, а человек согласен снять его только вместе с кожей. Человека молча и спокойно режут насмерть, и снимают с него свитер, и продолжают дальше играть. И эта будничная картина есть картина Содома, даже несмотря на отсутствие в кадре всякого намека на педерастию.

И когда интеллигент «тискает роман» блатному авторитету, то есть, стоя «на цырлах», «по понятиям» излагает блатному авторитету смысл классического произведения, будь то «Ромео и Джульетта» или «Фауст», то это тоже Содом. Этот несчастный интеллигент может еще, рассказывая, и пятки чесать этому самому авторитету, зарабатывая часть блатной пайки, и это уже совсем сравнить не с чем. Педерастии может не быть, а Содом есть, и он очевиден.

Это не апология половых извращений. Да не будет!

Это попытка расширить понимание проблемы до ее истинных размеров, а не до локальных границ, установленных произвольно. Содом не просто извращенный блуд, но целиком извращенная жизнь и лишь тогда, как неизбежный плод ее, извращенная половая жизнь. Ибо как и остаться неизвращенной половой сфере жизни, если вся жизнь вообще извращена?

Вот доктор Беттельгейм в книге «Просвещенное сердце» описывает случай в концлагере. Эсэсовец замечает двух работяг, работающих вполсилы. Он закипает гневом и приказывает этим двум копать могилу и лечь в нее. Те исполняют. Потом эсэсовец ищет исполнителя казни и находит взглядом некоего польского князя из «бывших». (Люди с отметиной благородства в Содоме выживают хуже всех. Их быстро замечают и быстро уничтожают. Содому нужны только представители усредненного человечества.)

– Закапывай их, – говорит офицер бывшему князю.

– Не буду, – отвечает узник.

Следует удар прикладом в лицо.

– Закапывай!

– Не буду.

Еще удар. Поляк непреклонен.

– Хорошо, – говорит офицер. – Вы двое – марш наверх.

Те вылезают.

– Ложись! – звучит команда.

И поляк ложится на место тех двух.

– Закапывайте его!

Приказ обращен к тем двум, которые только что лежали в вырытой ими могиле. Они бодро забрасывают землей поляка. Когда тот уже совсем покрыт комьями грунта, звучит команда: «Хальт!»

– Ты, – обращаясь к поляку, говорит немец, – вылезай! Вы двое – обратно в могилу!

– Закапывай их, – опять говорит поляку немец.

И на сей раз только что вылезший из земли поляк закапывает этих двух до конца, до смерти, под завязку. Цель достигнута. Цель – не просто убить одного человека, а сломать другого человека и заставить людей убивать друг друга. Это – Содом. Это умное и холодное торжество зла.

Когда человечество доходит до подобных стадий развращения, то оно, человечество, уже, как правило, не лечится. Или лечится, но только обильным кровопусканием. Только большая кровь лечит великое развращение, и здесь объяснение и всемирного потопа, и огня, пролитого на Содом и Гоморру. Здесь указание на то, почему кровавые конфликты по временам трясут Вселенную.

Бытовой Содом тому причиной, и кто не хочет большого кровопускания, тот должен стремиться к нравственному очищению. Иначе всякая человеческая неправда неумолимо приводит к катастрофе, так же как все сточные воды, несущие кал и грязь, стекают в канализацию.

Мы в лице педерастии ненавидим лишь одну маску Содома, но вполне уживаемся с другими его образами и лицами. Мы презираем тех мужчин, которые... Не будем описывать то, что делают эти якобы мужчины.

Но это не единственная форма воплощения содомского сознания. Неправда в суде, злая радость о чужом горе и унижении, обогащение на слезах простого человека – все это Содом и только Содом. И наказание этим извращениям соответствующее.

Голых девчонок продолжали вызывать на сцену, и они, окрыленные позорной и несбыточной надеждой, на сцене продолжали плясать. А мы ходили среди живого Содома и рассуждали о нем же, то ужасаясь действительности, то удивляясь глубине Божественного слова.

Ведь, действительно, с трудом в голову входит та мысль, что содомитов плодят не только ночные клубы и бары по интересам, но также юридические вузы и прочие подобные инстанции.

Вскоре администратор позвал в студию и нас. Наступило время записи передачи, на которую мы пришли. Над входной дверью зажглась надпись «Тихо! Идет съемка».

Камера уже не стрекочет. Бесшумно работает цифра, и перед лицом Господа Саваофа пишется памятная книга обо всем, что творится на лице Земли.

А мы живем внутри Содома и настолько свыклись с этим, что уже не замечаем большей части извращений и несправедливостей. И если можно хоть что-то изменить, то нужно менять ветхое на новое как можно быстрее. А если нельзя ничего изменить, то нужно хотя бы хранить веру и не отчаиваться, потому что *праведный верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя* (Евр. 10, 38).

Армия мушиного короля

Я рад за Патриарха. Очень больно смотреть на шабаш существ, всю жизнь кормящихся хихоньками да хаханьками, но все равно я рад. Был бы Святейший чеховским «человеком в футляре», не носили бы его имя в зубах, родных и вставленных, пересмешники. Но раз дело делается и корабль плывет, то, значит, ползающий на чреве персонаж всемирной истории недоволен.

Громче всех и раньше всех клич «Акела промахнулся!» кричал шакал. А кто еще? Пока главный враг точит когти, шакал кричит и изображает веселье. Он кричит по прямому приказу, а иногда – по личной шакалей инициативе. Так в мультфильме. Пересмотрите. А мультфильм – про жизнь.

Нам всем, христианам, тоже повезло. Своеобразно, но повезло. Мы раньше только в книжках читали про всякие кампании и акции безбожников да в черно-белом рваном изображении видели, как служит «безбожный молебен» тюлень в камилавке в Московском цирке, как ездит по улицам столицы разрисованный Маяковским «безбожный трамвай». Мы, было, думали, что это – «преданья старины глубокой». Ан нет. Жив курилка. И мало того, что жив. Руки у него чешутся, зане он «давненько не брал в руки шашек». Ну что ж. Тютчев называл блаженными тех, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Видно, блаженны и мы, вновь понимая, что борьба не то что не окончена, а и не думала прекращаться.

Есть люди-львы. С ними воевать не зазорно и им проигрывать не стыдно. Но есть мелочь, подобная сибирской мошке. С ней невозможно воевать и перед ней позорно капитулировать. Мошка, комары – главный враг Церкви в будущем. Это то самое «восстание масс», о котором писал Ортега-и-Гассет. Обмельчавший человек, сплотившийся в миллионную жужжащую массу, – идеальное войско для кукловодов будущего и настоящего. Знаний нет, ум – в седативе, претензий – масса, и таких, как ты, – прорва. Это ли не повод для того, чтобы поднять «волну» не только на трибуне стадиона, но и в жизни?

Дьявол – король ничтожеств. Он – король мух, Вельзевул. Мухи – его рядовые. Не пчелы, собирающие в шестигранные соты сладкий плод, и не трудолюбивые муравьи, кропотливо несущие груз, превосходящий их собственный вес. Мухи. Любительницы дерьма, знатоки вкусовых особенностей одних и других его видов – вот армия мушиного короля. Что ж, спасибо Господу, показывающему нам правду Свою не только на страницах книг, но и на экранах телевизоров.

Православные христиане действительно самые уязвимые. Правильно говорил В. Соловьев (современный, а не хрестоматийный). Смеяться над мусульманами – опасно для жизни. Смеяться над евреями – опасно для той же жизни, только с другой ее стороны. А вот над нами – пожалуйста. Как над Безгрешным во время оно. И плюнуть можно, и ударить в лицо, потребовав пророчеств. Так, может, это и есть признак принадлежности к Истине? Конечно. И поносят уже, и рекут всяк зол глагол. Значит, где-то рядом и радость, и мзда, которая на небеси.

Вода увлажняет, солнце светит, огонь греет, и бес куражится. Больно смотреть на пляску бесовскую. Ведь это пляска, в которую вовлечены, на правах насилюемых, мелкие, но крещенные души. Нужно умножить молитву. Бог все расставит на свои места. Кому нужно – на ухо

шепнет, кому нужно – лобик поцелует, кому нужно – голову отвертит. Ждать слишком долго не придется. Скоро об очередных похоронах по телевизору услышим. Мало ли их, дерзких пересмешников, во сне нечаянно усопло, даже и в недавние времена? Нужно просто скрепить сердце и умножить молитву.

Бес – часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо. Знали бы классики сами любители зла – были бы сдержаннее в деятельности. Мы извлечем пользу из их лая. Святейший передарит или продаст часы. Закажет иным красоваться второстепенными предметами. Особенно строго глянет на тех, кто сан на плечи берет не ради смерти за овец, а ради шерсти и брызны. Мы сами, христиане, должны поганой метлой гнать от стада тех проныр, которые ищут не людей, а «людского», не креста Христова, а преждевременной славы.

Раздраженный враг говорит нам правду. Правду мы уразумеем, но и врага узнаем в лицо. Извлечем из услышанных слов максимальную пользу и вспомним, что мы – на войне, а не на курорте.

Когда я был маленький, то Новый Завет было не достать, зато Лео Таксиль был в каждом втором доме. Любя читать, читал я всякое, в том числе и антирелигиозную литературу. И вот тогда-то маленький мой ум заметил, что главным врагом в подобной литературе должен быть Сам Бог. Но вместо этого высмеиваются (за редким и гадким исключением) не Сам Всевышний, а Его земные слуги. Они, мол, и такие, и такие. А раз так, то «назло врагам козу продам, чтоб дети молоко не пили». То есть раз попы плохие, то буду я атеистом и скажу, что Бога вовсе нет. Эта полудебильная логика тогда меня сильно поразила. Но годы были детские, и не время было мысли развивать. Теперь я вижу, что суть та же и по прошествии столетий.

Поп, мол, плох, значит, вера не нужна. Ну а если бы поп был очевидно свят?! А ну, мелочь пузатая, к ответу в одну шеренгу становись!

Если бы все священники были святы до ломоты в глазах, вы что, все верующими были бы? Нет! Вы тогда свое бесовское нутро проявили бы полностью и в секунду. Во свете святых вся гниль вылезает, как под рентгеном. Взбунтовались бы. Что, мол, от меня святости требуют? Они святые. А я святым быть не могу и не желаю! И не хочу я такой насильственной святости! Ну и прочее и прочее.

Это было бы нечто подобное восстанию дьявола на небе прежде человеческой истории.

Священник немощен, как ты, для твоей же пользы. Будь он недосыгаемо свят, ты бы от веры отпал. Пойми, глупый. И если восстает некто на немощь священника, то не сомневайтесь: это он не на священника, а на Самого Иисуса Воскресшего восстает. Отсюда и злоба inferнальная, и насмешки с адской подсветкой.

Бог для священства не дал ни ангелов с неба, ни небесных людей, спущенных на парашютах. Дал простых людей, одетых в немощь. Бог хочет, чтобы мы немощи немощных носили и не себе угождали. Не ругай священство, но пользуйся священством во спасение, если веришь. Если не веришь – молчи, ибо не твое это дело. Если же и не веришь, и не молчишь, то, брат, погоди. Мы твой вопль еще услышим. Не мы тебя в оборот возьмем. Нам Бог запретил. Но Он Сам имеет свойство вмешиваться в историю человеческую. Причем некоторых из людей Он называет «зеницей ока Своего» и велит сей зеницы ока не касаться. То есть прикасающийся грубо к этому оку делает Богу больно.

Горе тому, кто Богу больно делает.

А нам, грешным, уже больно вместе с Богом, потому что на наших глазах антропоморфные носители бесовских идей нашего Отца обсмеивают.

Мы не будем им в лицо руками лезть. Мы плакать пойдем. А Господь наши слезы взыщет во время оно. Тогда наше время смеяться придет. Но мы и тогда смеяться не будем. Потому что мы вас, бесноватых, даже таких жалеем.

В строительстве ковчега нужно участвовать

В строительстве ковчега нужно участвовать. Даже если не просят.

А в строительстве Вавилонской башни участия принимать не надо, даже если сильно просят и очень зовут.

На практике все происходит с точностью до наоборот.

Виной тому отчасти видимая абсурдность строительства ковчега. Ной строил его мало того, что очень долго, так еще и вдали от воды. Вся аристотелевская логика бунтует против такой трудовой деятельности. Зачем? По какому поводу? Ради чего?

«Бог повелел. Так надо. Послушаем Бога, а там видно будет». Все это не аргументы для практичного ума, неспособного воспринимать идеи и внушения из иного мира.

Вся религиозная жизнь с точки зрения мирского практика – это бесполезно-абсурдные труды ради эфемерных целей. На стороне мирского практика – логика и практический опыт, выгода и прибыль. С ним трудно спорить. Пока вода с небес не польется.

Кстати, Петр Великий свои первые корабельные верфи устроил далеко от всех морей и океанов – под Воронежем. По степени кажущегося абсурда – аналог строительства Ковчега. Трудно поверить, что из этой затеи выросли все Российские флоты: Балтийский, Черноморский, Северный, Тихоокеанский.

То ли дело – Вавилонская башня? Сложное архитектурное сооружение, призванное прославить род человеческий; сооружение, в фундамент которого, помимо кирпичей и блоков, заложена своеобразная мистика! Тут не один Ной, под насмешливый посвист зрителей таскающий бревна с сыновьями. Тут – сотни тысяч организованно трудящихся людей; тут – дисциплина, идея, воодушевление и – очевидный, на глазах вырастающий в размерах результат. Тут самый ленивый захочет кирпичик поднести или тачку с песком наверх затолкать. Дело проверенное.

Во дни помаранчевой вакханалии в Киеве даже те жадины, у которых бесполезно зимой снега просить, были замечены в делах специфической благотворительности. Варили борщи, пекли блинчики и бегали на Майдан «революционеров» кормить. Приобщались как могли к историческому моменту. Так действует массовое беснование, для которого не обязательны оргии и черные мессы, которое вполне сносно проявляет себя и в атмосфере фальшивого человеколюбия.

Итак, нужно ковчег строить, при том что цели до конца не ясны и будущее – в тумане. Приказы и заповеди не предполагают развернутых толкований. Вся церковная жизнь не есть ли аналог подобного долговременного и странного строительства? Зачем посты? Почему здесь труды, а там – воздаяние? Почему необходимы и послушание, и борьба со страстями, и покаянный плач? Нельзя ли просто, посмотрев, как этим занимаются другие, присвистнуть и уйти по своим делам?

А мирская активность, пренебрегающая волей Божией, не желающая ждать града, сходящего с небес, и строящая свой собственный град, она не есть ли новая башня, для которой весь мир – Вавилон? Очевидно, что черт общих много. Но тянет, тянет к себе и засасывает в свой водоворот земная активность. Глобальная экономика, глобальные ресурсы, глобальный обмен информацией. На горизонте когда-нибудь заалееет красной полосой глобальное правительство, чей хилый близнец в виде ООН всем давно известен.

Строительные бригады стоят в очереди за возможностью поучаствовать в стройке века. «Вас еще не пустили? Вы еще не в ВТО? Мы тоже. Ах! Будем ждать. А квоты вы успели продать по углекислому газу? Мы тоже. Будем ждать». И ждут. Целые народы со своей генетической памятью, душевной болью и длинной историей ждут часа X, когда им позволят намесить раствора для каменщиков, орудующих на верхних этажах.

Ковчег строился в одно время. Башня – в другое. Буквальный водораздел между двумя событиями – вода потопа. Ковчег и башня – события буквальные и исторические. Но вместе с тем это события духовные и символические. С точки зрения духовных процессов сегодня и ковчег, и башня строятся одновременно. Одновременно происходят созидательные процессы, направленные на спасение, и процессы, связанные с богоборческой активностью, с построением града земного, ошестившегося в сторону града небесного ракетами класса «земля – воздух».

Интересно и то, что многие успевают поработать на двух объектах: до обеда – на строительстве ковчега, ближе к вечеру – на строительстве башни. И народы участвуют в этом процессе по-разному. Некоторые еще не строят ни того, ни другого. Некоторые строят только башню. Некоторые, как уже сказано, успевают получать деньги по двум ведомостям. Но нет, со слезами говорю, нет ни одного народа, который бы строил только ковчег для всех желающих спастись, и не месил бы глину для строителей-богоборцев.

Мы бы хотели быть таким народом. Быть таким народом есть наша национальная идея и сокровенная мечта. Она же и надежда мира. Но получается пока плохо. Видно, плохо хотим. Или плохо разобрались с сутью происходящего.

Время требует если уж не прозорливости, то, по крайней мере, проницательности. Ключ же к узнаванию обеихстроек в повседневности, как всегда, находится в литургической жизни, трезвении и любви к Писанию.

Индустрия спасения от тоски

«Мы научим вас жить и продиктуем рецепты!» Красота и здоровье, богатство и деловой успех, веселье, комфорт, путешествия. Разве не это вам нужно?! Разве не в этом цель?!

Спасибо вам, энергичные зазывалы на праздник жизни, зазывалы, прячущие печаль в морщинах и уголках рта. Уставшему выучному животному вы щедро подкладываете в кормушку свое безвкусное месиво. Других товаров у вас нет.

Я хочу найти имена для того, что вижу. Быть человеком означает уметь давать имена.

Индустрия спасения от тоски – вот что такое наша с вами современная цивилизация. Как можно успешно бороться с наркоманией, если вся цивилизация сама по себе есть наркотик? Она взвинчивает нервы, зовет развлекаться, запрещает сидеть на месте. Стоит замереть, и тоска без стука входит в любую дверь, заставляет из угла в угол ходить по комнате, задавать самому себе тяжелые вопросы.

А мы не будем бояться тоски и рожденных ею вопросов. Мы благословим тоску и с нею обнимемся. Пусть она сдавит нам грудь, потому что она сильнее. Пусть она заставит нас помолиться. В армии некогда тосковать. Там чуть что – «упал – отжался». На гражданке тоже не надо кихнуть. Здесь чуть что – «упал – поклонился Богу – поднялся». Это ли не красота?!

Вот Непорочная Дева смотрит с иконы в самое сердце и видит его до дна.

Радуйся, Адамово воззвание! Радуйся, слез Евиных избавление! Радуйся, из Нея же родися будущей жизни наслаждение!

Зашептали уста, зашевелилась мысль, быстрее забилося благодарное сердце. Будущее и прошлое, словно края свернувшегося свитка, соприкоснулись.

Был на нашей печальной земле Сладчайший Иисус. Не только в Палестине был. Смелость беру на себя мечтать и фантазировать. А что если за те сорок дней, что прошли от Воскресения до Вознесения, Господь Иисус Христос весь мир обошел, все места посетил? В особенности те, о которых Он заранее знал, что там Его имя прославится. В Радонежских лесах был, Саровские пустыни обошел, греческие острова благословил, жаркий воздух Египта освятил Своим дыханием. Смотрел прозорливым и чудным взглядом туда, где еще не было человеческих селений, туда, где скоро должна была закипеть жизнь святая. И там, где жизнь уже была, тяжелая, несносная, запутанная, тоже смотрел вокруг. Странником и пришельцем обходил села, из которых со временем выйдут Антонии и Пахомии.

Разве трудно Ему было бы это сделать? Ведь Он входил к апостолам через закрытые двери, появлялся внезапно, уходил, не предупреждая. Быстродвижен, легок, всемогущ, благодуханен. Все сорок дней ученики провели, как воины на страже, в непрестанном радостном ожидании. Придет, утешит, укрепит, откроет тайны и вновь оставит их одних. Пусть поют, молятся, исполняются Духа. А Сам куда? Никто не знает. Но я мечтаю и дерзаю фантазировать. И радостно мне думать, что мог Он, воскресший, все горькие источники этой бедной Земли превращать в те дни в источники сладкие, как когда-то во время сорокалетнего странствования.

Вот я тоскую. Тоскую часто и тяжело, а Он смотрит на меня. Рядом стоит и смотрит.

– Любишь ли Меня?

– Господи, Ты все знаешь. Ты знаешь, что я люблю Тебя!

– Паси овец Моих!

– Когда увижу Тебя? Грустно мне, даже до смерти грустно смотреть на витрины, рекламы и лица попутчиков в метро. Долго ли еще буду странствовать? Что еще пережить придется? Ты слышишь меня? Ты меня не забудешь, не бросишь? Ведь Ты же меня создал.

Молчит.

А в сердце ответы сами рождаются, закипают, набегают один за другим, словно волны на берег. «Скоро увидишь. Скоро. Все сны заканчиваются. И эта странная жизнь, эта каша, сваренная из сладостей и тревог, как сон, пройдет. Увидишь Его. Даже не сомневайся. А пока голос Его слушай. Всякий раз, когда Евангелие читают, замри и слушай. Это Он говорит! На образ Его смотри, как на живого и здесь стоящего. К чаще иди. Хватайся за ризы, как кровоточивая. Умывай Его ноги слезами, как кающаяся распутница. Только иди, не стой. Даже когда на месте сидишь, умом к Нему иди».

Люди ходят вокруг, а умом многие завязли и сидят на месте. Ум человеческий так легко увязает и так безнадежно. Надо всем рассказать, что Он вернется. Что тот день, в который многие так слабо верят, обязательно наступит. Надо ходить на кладбища, туда, где воскреснут мертвые. Надо ходить туда, где сладко и тихо, где колокол звонит, где перед образом – лампадка.

Воздух покраснеет в тот час. Среди белого дня вдруг засияют звезды. И засияют тревожно, заморгают, как глаза, готовые заплакать. Монахи во всех обителях почувствуют, что дождались. «Наконец-то», – скажут и усилят последнюю молитву. Спящие пробудятся, словно от приснившегося кошмара, и вдруг застыдятся своей наготы и неготовности. Женская красота покажется отвратительной. В клубах и ресторанах внезапно увянет веселье, и всем вдруг захочется выбежать на воздух. А воздух вдруг станет плотным, густым, так что захочешь бежать и не сможешь. То, что слушал как сказку, станет реальностью, грозной и неизбежной. И никто не оправдается тем, что не слышал, не знал, не отнесся серьезно.

«Горы, падите на нас! Холмы, покройте нас! Куда нам бежать от Сидящего на Престоле?!»

Земля, уставшая поедать мертвецов, пресыщенная костями и мертвой плотью, зашевелится, задрожит, начнет открывать уста. По-прежнему спит Везувий, но весь мир превратился в Помпеи. И нет уже ни у кого сомнений, что это – Последний День.

Я вижу это. Пью воду и вижу. Ем хлеб и вижу. Стою с утра перед зеркалом, а вижу не себя в отражении, а то, что будет.

Так что же ты тоскуешь, душа моя, словно ты ребенок, которого не забрали из садика? Что ты мечешься, как животное в клетке? Радуйся. Ободришься. Если любишь Судью, то на суд ведь идти не страшно. Знание будущего подарил тебе Вездесущий. Память о прошлом у тебя от Него же. Так что же ты мучишь себя беспричинной дрожью, как одна из неразумных?

Да я и не тоскую уже. Была тоска, но ушла. Испарилась, как дождь на горячем асфальте. Высохла, как детские слезы. Я вспомнил о Нем, и тоска ушла, словно ее и не было. Ведь я люблю Его, и Он меня не забудет.

Благословенная сложность бытия

Любой пруд – это живая экосистема. Там по вечерам заводят свои «концерты» лягушки, там плавают какие-никакие, а рыбки, за которыми охотятся настоящие птицы, падающие камнем на воду и уносящие в клюве очередную мелюзгу. Там жизнь кишит кишмя, и видно это не только маститому биологу, но и простому обывателю.

Обыватель неприхотлив. Обывателю мало надо. Ему лишь бы сесть у берега с удочкой или с друзьями у костра. Ему лишь бы ощутить подсознанием, что он находится в отдаленном подобии рая. И нам от него ничего не надо. Лишь бы бутылки не разбивал о камень, но унес с собой и костер потушил. Лишь бы не утонул по пьяни в экосистеме под названием «озеро».

Биологи и экологи говорят нам о том, что экосистема тем прочнее, чем сложнее. То есть чем больше в ней живых участников, чем из большего количества видов она состоит, тем больше шансов у нее на выживание и тем большей степенью здоровья и устойчивости она обладает.

Сказанное с любовью и одновременной тревогой перевожу на семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.